

Галина Таланова (Галина Борисовна Бочкова) родилась в городе Горьком. Биолог, кандидат технических наук. Поэт, прозаик. Публиковалась в журналах «Нева», «Роман-журнал XXI век», «Москва», «Наш современник», «Новая Немига литературная», «Аргамак», «Волга. XXI век», «Подъём» и др. Автор 9 книг стихотворений и 7 книг прозы. Лауреат премии «Болдинская осень», премии им. А.М. Горького, обладатель золотого диплома Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

Галина Таланова

ПОЗДНЕЕ ЛЕТО

* * *

Такой сентябрь,
Как чистая слеза.
Пронзительно прощание с рекою.
И на ладонь садится стрекоза,
Что задержалась, сердце беспокоя.
Ее-то время точно истекло...
Из света дни сплетенные — как в сказке.
Щемящее прощальное тепло...
Но знаешь, дело движется к развязке.
И завтра побежит по веткам дождь,
И дни дождем стекают между пальцев.
Порыва ветра вызывают дрожь.
Острее чувство: здесь мы постояльцы.
Но бабье лето ворожит обман.
И веришь, что любовь не за горами.
Но осень в туче открывает кран,
Что не закрыть озябшими руками.
Но не сегодня.
Это завтра все.
Так отчего печаль на сердце камнем?
Молчит кукушка.
Не продолжить счет,
Что растревожил в августе недавнем.

* * *

Бабье лето раскинуло сети.
Зависаю, паря стрекозой,
В неожиданном сказочном свете,
Где промыт мир сбежавшей слезой.

Все длиннее глубокие тени.
Солнце будто пошло на закат.
Сплошь в заплатках из листьев ступени.
Скоро время тоски и утрат.
Но струится в лучах паутинка,
Липнет к пальцам, протяжно звеня.
Все осыпались пылью тычинки,
Хоть стреножило время коня...
Слабым пальцам тепла не хватает.
И одышка от ветра, что в грудь.
Это эхо от лета растает,
Хоть и кажется: можно вернуть.
Конь хлебнет родниковой водицы.
Тронут крылья в полете струну.
Только время уже торопиться
Отходить к неизбежному сну.

* * *

И время, опустевшее давно,
Скрипело, как рассохшиеся доски.
И становилось пусто и темно,
Как будто разошлись, напившись, гости.
Усталость накатила и тоска.
И даже стены холод излучали.
Текли минуты струйкой у виска.
Перевернуть — и снова жизнь в начале.
Но так тяжел в часах песочек был,
Что опрокинуть не хватало силы...
Промозглый ветер продувает тыл.
И я уже, наверно, отлюбила.
Теперь одной стоять на сквозняке.
Смотреть, как птицы улетают клином.
И вслед кричать на птичьем языке,
Что ничего уже непоправимо.
Баюкать в горле, запирая плач.
И уходить в себя с прямой спинойю.
И знать, что время кончилось удач,
Но трели соловьиные со мною.

* * *

Лиловых флоксов пена оседает.
А лилии — как лебеди в реке.
И журавли уже собрались в стаю
И улетают молча, налегке,
Как будто в путь последний провожают
Того, кто черной точкой впереди.
И ничего день теплый не решает,
Когда уже торопишься уйти.

А я застыла, задержав дыханье.
У осени на краешке стою
И все молю о призрачном свиданье,
Где к берегу прибьется кораблю...
Погас маяк
И больше не мигает...
И знаешь, скоро грянет ледостав.
День стрекозой прозрачной зависает,
Что невзначай садится на рукав...
Спугнуть боюсь.
Хоть знаю: задержалась
Та стрекоза.
И в этом есть печаль...
Пронзительна к денькам ушедшим жалость.
И в ласку солнца кутаюсь, как в шаль.
Уже сентябрь,
Что кличут бабьим летом.
В погоде все имеет краткий срок.
Последним согреваюсь мягким светом,
Что молоком стекает между строк,
Чтобы зимой под лампой проявиться,
Вернуть туда,
Где облетает цвет,
Хоть кормишь с рук постылую синицу
И в рыхлый снег впечатываешь след.

* * *

Дымится звуков пряжа золотая.
Я нить пряду, кручу веретено.
Спасают песни от тоски и края,
Как будто бы волшебное руно.
Чуток огня, хотя б от сигареты.
А после ветер учудит пожар.
Я снова заплуталась в позднем лете,
Хоть берегу сошедший с неба дар.
На пляже красный флаг с полоской охры.
Рокошет море, гальку тербя.
И пахнет йодом, солью, ветром мокрым.
И вновь грущу, что рядом нет тебя.
И жизнь прошла,
Как камень брошен в омут.
И в шторм не видно на воде кругов.
Лишь гребень пены в теплую погоду.
И нет вдали привычных берегов.
Круги, круги, как кольца годовые,
Но на воде не сохранить следы.
Любимые, лишь в памяти живые,
Теперь растят чужие мне сады.
А я все здесь.
Опять грущу у моря.
И собираю золотой песок.

И не спешу увидеть в коридоре
Чудесный свет, как дождь наискосок,
Почти грибной,
Когда сквозь слезы солнце.
И зарастут могилы все травой.
И наша жизнь — как нитки волоконце.
И голос в нас всех тех, кто неживой.

* * *

Обманчивое, хрупкое тепло...
И бабочка порхает над лугами,
Хоть я ждала, что хрустнет, как стекло,
Трава,
Уже не встав под каблуками...
Так горько знать,
Что все равно конец
У лега, что уже пылает красным.
И бабочка над мятой — не жилец,
Хотя она по-прежнему прекрасна.
Всему свой срок.
И время уходить.
А вот очнулась —
И трепещут крылья.
Так ветер тащит за собою нить —
И змей парит,
Лежавший от бессилья, —
Он видит землю маленькой, родной,
Но тащит вверх,
Где скроет облаками...
Любовь под осень кажется смешной,
Но я держусь за ниточку руками.
Бегу за змеем,
Плача: замкнут круг,
Река и луг сольются в вихре белом.
И нить боюсь я выпустить из рук,
Хоть знаю,
Что у Бога под прицелом.
И задержаться, в сущности, страшней...
И скоро нужно завернуться в кокон.
Но ничего не кажется важней
Любви, что обожгла, как будто током.
Так нежен август, что почти истек,
Дождями голоса по цинку крыши.
И змей парит,
Как брошенный листок,
И с каждым кругом в небо тянет выше.